

Регионоведение

Приложение

к занятию по теме

**«Тема малой родины и её
природы в творчестве кировских
поэтов М. Чебышевой,
П. Маракулина, С. Сырневой».**

Маракулин П. П.

Времена года.

Весна и осень так похожи:
не потому, что мы их ждём,
что вдруг становимся моложе
под ослепительным дождём.
За соловьиными лесами,
где камыши качает плёс,
утята щучьими носами
клюют медлительней стрекоз.
Когда в лотке у водослива
дрожит и ахает гроза,
мы замечаем, что у ивы
продолговатые глаза.
Мы замечаем, замечаем –
теплу и свету кто не рад?
А сами вновь души не чаем,
когда нагрянет листопад.
Пожар в долине междуречий
так восхитительно велик,
что с губ срываются не речи,
а только шёпот или крик.
Весна и осень так похожи:
не потому, что мы их ждём,
что вдруг становимся моложе
под ослепительным дождём.

«Дымковчане»

По праздникам лук луговой
Запекают они в пироги,
На скользких обрывах

Л. Дьяконову

Копают червонную глину
И любят, вернее, любили
Толчком остроги
Нащупать у щуки в осоке
Тигриную спину.
Дюралевых лодок летит
Восклицательный рев,
По-рыбьи блестят над водой
Тополиные плети,
И тянется к травам
Пятнистое стадо коров,
И пильщики режут
Сплавные дрова на рассвете.
Потомки умельцев
Наследственного ремесла,
Безвестные гении
Вятской лукавой частушки,
Они смастерили
На плоской лопате весла
Из глины речной
Знаменитую в мире игрушку!
Огонь этой выдумки
Через года не потух:
В малиновых барышень
Кто не захочет влюбиться,
Когда запоем
Невозможно веселый петух
И сказочный конь
Переступит алмазным копытцем!

* * *

Дожди прошли
и красота осела,
трава легла
и роща порусела.
Лишь свёрнутый в спираль

последний лист один поёт,
как маленький горнист,
о том, что вся
берёзовая рать
совсем не собиралась
умирать.

Вы приезжайте к нам по сентябрю,
когда в лесах светло от паутины:
я всем своим товарищам дарю
букеты красной северной рябины.
Уже неделю и два дня подряд
по берегам, где залегли овраги,
похожие на праздничные флаги,
рябиновые заросли горят.
Мне нравится отважная игра:
собаки, лодки, спиннинги и ружья,
рябиновых озёр полуокружья –
и мамин крик: «Ни пуха ни пера!»
И Родину не так бы я любил,
когда б не эта красота до боли,
когда б по водяной широкой воле
крылом осенний селезень не бил.
Вы знаете, я всем так говорю:
в лесу теперь грибов и ягод много, -
вы приезжайте к нам по сентябрю,
по северной рябиновой дороге!

Миниатюры.

ОСИНОВЫЙ ЛИСТ 🍂

Зимний отпуск только начался, а из избы носа не высунуть:
метель! Но жаль, так жаль упускать малейшую
возможность побыть наедине с лесом, и я скрепя сердце
выхожу.

В поле ложусь грудью на ветер. Если споткнусь и

«вздумаю» упасть вперед лицом на носки широких лыж – ветер остановит меня: передо мной словно стена. Кое-как, сильно отталкиваясь палками, добираюсь до перелеска. Здесь потише, настолько потише, что даже птичка какая-то пробует петь... Вглядываюсь в заснеженные лапы – синица! Вынимаю блокнот, записываю про нее...
Есть голоса, как ожиданье счастья, –
И если это птичьи голоса,
То обернется праздником ненастье,
Когда идешь в знакомые леса.

А вот какое-то шевеление... В лесочке – поляна, на поляне – стайка осин и берез: все облетели подчистую. Только на одной из осин единственный листик трепещет, словно птица, привязанная к ветке.

Я освободил из-под рукава наручные часы с секундной стрелкой, прикинул – три молниеносных удара делает осиновый листик за одну секунду. Вычисляю на бумаге: сто восемьдесят ударов в минуту, а в сутки – более четверти миллиона. Кажется, никакой металл, никакая пластмасса не выдержит такой нагрузки! А этот листочек все крутится, бьется, как маленькое сердце. Какая цепкость, какое мужество потребовалось маленькому Антею, чтобы продержаться до половины зимы и не сложить оружия, не потерять связь с материнской веткой родной земли! Не сразу я смог оторвать взгляд от осины и снова найти среди заснеженных веток синицу. Она продолжала попискивать... И мне подумалось – не случайно: моральную поддержку ей оказывал трепещущий листик. Ведь они двое на весь словно бы вымерший лес проявляли признаки жизни назло снежной буре – и каждый из них по-своему был прекрасен.

ЗОЛОТАЯ ВОДА

В наших бескрайних, стокилометровых березовых рощах вода по весне бывает – в лужах, в ручьях, реках, озерах – кирпично-золотого цвета, как хороший чай: талая, она настаивается на сухом березовом листе.

С горечью наблюдал гнездо, плывущее по воде в затопленной пойме у Вересников. Новый лист на березе величиной с мелкую ячейку рыбацкой сети. Природа как бы на время захлебнулась половодьем. Паводок нынче невиданный, можно сказать, аварийный: в Дымково вытесненные водой люди живут на крышах. На крышах и чердаках спят, обедают, пьют чай.

СЕВЕРНЫЙ ВИНОГРАД

Дни первых инеев и первых заморозков, пожалуй, лучшие дни для заготовки плодов шиповника впрок.

Если шука по осени любит брать в пасмурные теплые дни с тихими дождиками, то в сухую, холодную и ветреную погоду мертвого бесклевия я ставлю спиннинг под ольху или березу, вынимаю целлофановый пакет и обследую речной обрыв, где в игловых зарослях пламенеют, как рубиновые камни, красные плоды нашего северного винограда – шиповника.

ЗАРЕЧНЫЙ ПАРК

Видел в Заречном парке кусты безобразно обломанной рябины...

Все чаще прихожу к тоскливой мысли о том, что человек (особенно за последние десять–пятнадцать лет) становится по отношению к природе каким-то жуликоватым хищником, практически почти не наказуемым.

*Я боюсь за судьбу
Богатейшего в мире народа,
Потому что и смелому
Дрогнуть настала пора:*

*Лишь слепой не увидит,
Как быстро скудеет природа,
Лишь глухой не услышит
Заносчивый гром топора!*

С. А. Сырнева

«Прописи» (1987)

Помню: осень стоит неминуемая,
восемь лет мне, и за руку мама:
«Наша Родина самая лучшая
и богатая самая».

В пешех далях – деревья корявые,
дождь то в щёку, то в спину,
и в мои сапожонки дырявые
заливается глина.

Образ детства навеки
как мы входим в село на болоте.
Вот и церковь с разрушенным верхом,
вся в грачином помёте

Лавка низкая керосинная
на минуту укроет от ветра.
«Наша Родина самая сильная,
наша Родина самая светлая»

Нас возьмёт грузовик попутный,
по дороге ползущий юзом,
и опустится небо мутное
к нам в дощатый гремучий кузов.

И споёт во все хилые рёбра
октябрятский мой класс бритолобый:
«Наша Родина самая вольная,
наша Родина самая добрая».

Из чего я росла – прозревала,
Что сквозь сон розовело?

Скажут: обворовала
Безрассудная вера!

Ты горька, как осина,
Но превыше и лести, и срама –
моя Родина самая сильная
И богатая самая.

Осенняя оборона

Сгинули ласточки и соловьи,
холодом веет от поздних восходов.
И на пустые дороги твои
яблоки падают из огородов.
Грозных рябин загорелись костры,
яростно светят из каждого сада
Блещут лопаты, стучат топоры,
словно бы строится здесь баррикада.
Лёг бы и ты в эту пору, уснул –
душу усталую больше не трогай –
но урожая торжественный гул
неумолимо висит над дорогой.
Что ж, разбирай подъездные пути,
люди угнетённый, но не покорённый!
Брюкву вытаскивай, тыкву кати
в общую цепь круговой обороны!
Полные бочки, тугие мешки,
вилы, сусеки, корзины, корыта –
всё выворачивай! Всё волоки!
Это – последняя наша защита.
Солнцем вспоённая, влагой земной,
тяжких трудов результат и награда,
крепко стоит за твоею спиной
полная жизни живая громада.
Наши леса не пропустят врага,
золотом блещут победно и ново.
И, упирая крутые рога,

в каждом дворе воцарилась корова.
2004г.

Маргарита Чебышева

Уржум

Этот тихий зелёный город
на пересечении моих дорог.
Меня помнят его скамейки
у каждых ворот.
Я его исходила вдоль и поперёк.
Я в нём не жила,
но он меня любит и ждёт.
Этот тёплый маленький город
знает всё о моих корнях.
Он хранил для меня наследство —
любовь и стихи.
Есть мои бессонные ночи
в уржумских огнях.
И старый собор
молчаливо мне отпускает грехи.
Этот древний задумчивый город
помнит всех, кто его любил.
Он, конечно, знает такое,
что нам не понять.
Города уходят, как люди...
Я хочу, чтобы он был:
у тех, кто придёт,
преступно память отнять.
Этот тихий, зелёный, тёплый,
задумчивый город...

Поселиться бы в Рябово
Где неспешно идут часы,
Где на каждом окошке
Герани в цветах пунцовых,
И где рядом с тобою,
Не сминая трав, не сбивая росы.
Бродят светлые души
Отроков Васнецовых.
Это здесь им завещано -
Не держать синицы в руке.
Понимать, что жизнь
В красоте и любви, а не в силе.
Оттого так ясно,
Как высокое небо в чистой реке,
В их картинах и судьбах
Отразилась Россия.
Подружиться бы с домом,
Где оставила времени тень
Свой невидимый след
На половицах тесовых,
Где душа очищается
Оттого, что смотрят в нее со стен
Иконописные лица
Отроков Васнецовых.
Поселиться бы в Рябово...

Горькая моя родина,
свет голубых снегов...
Тысяча лет пройдена,
сколько осталось шагов?
Не сокрушили вороги –
дети свалили с ног.
Каркают жирные вороны

на перекрестке дорог.
Гаснут глаза печальные
под козырьками крыш.
Пели тебе величальные,
нынче поют отвальные,
ты же в ответ молчишь.
Песни с чужого голоса,
жизнь по чужим часам.
Что ж теперь, снявши голову,
плакать по волосам...
Горькая моя родина,
чем я тебе помогу?
Я – на челе твоём родинка –
в неоплатном долгу.

Не оторваться сердцем от земли,
Такой родной, задумчивой и строгой...
Ты слышал ли, как плачут журавли
Перед осенней дальнею дорогой?
Ты видел ли, как медленно они
Летят над опустевшими полями?
О журавлях ты память сохрани,
Когда разлука встанет между нами.
Когда-нибудь ты вспомнишь о годах
Под этим небом сизо-голубиным.
А я останусь на твоих губах
Горчинкой нашей северной рябины.
В осеннем поле колется стерня,
И серы облака, как клочья дыма...
Не понял ты: нельзя любить меня
И не любить земли родимой.

Осень – любимое время года.
Вечер – любимое время суток.
Прохладный зеленый - любимый цвет.

Люблю смотреть на огонь и воду,
ветер и дождь люблю почему-то...
Отчасти это автопортрет.
Все остальное в стихи легло –
такое уж у меня ремесло.
Кто-то услышит свои печали,
кто-то узнает свои сомненья.
А кто-то найдет желанный ответ.
Мы с вами похожи – не замечали?
Простите мне мои откровенья,
но это отчасти и ваш портрет.
А все остальное – тайна, друзья,
её не узнаем ни вы, ни я.

Из поэмы «Память»

Прадед мой — он был богомазом.
И стоит ещё до сих пор
Им расписанный по заказу
В городке Уржуме собор.
В тех краях залётная птица,
Перед ним я стою, стою...
Отзовись, Михаил Криницин,
Как живётся тебе в раю?
Чем ещё бы на этом свете
Богу ты, мужик, угодил?
Уж, наверное, Он за это
Лично в рай тебя проводил.
Не кощунствую: знаю, были
Не корыстны твои труды.
За надеждой сюда ходили
Изнемогшие от нужды.
Не видал ты Божьего лика,
И глядел с иконы, скорбя,
Бог, страдающий и великий,
А похож он был на тебя,
На отца твоего и деда

Мудрой, вечною добротой.
И ложились людские беды
В скорбный облик иконы той.
Мимо окон хоромин пышных
Дети нищие — босиком...
А с иконы глядел Всевышний,
Нарисованный мужиком.
Никогда Он повинен не был
В окаянных людских делах,
И светилося тоскою небо
В опрокинутых куполах...
Старый храм
Красивый даже в руинах
храм стоит посреди села.
Давно утратили золото
обветшавшие купола.
Мы здесь случайные люди,
вошли и в дверях застыли:
крича, заметались птицы,
подняли клубы пыли.
Осела пыль. И взглядевшись,
мы замерли в изумленьи,
а мне, не знающей Бога,
хотелось встать на колени:
ни копоть, ни паутина,
ни грязь, ни мусора груды
уже не мешали чувству,
возникшему ниоткуда.
Здесь, где под дырявой крышей
гуляли ветры и ливни,
царствовало совершенство
и безупречность линий,
и окна были похожи
на золотые соты,
и невесомой казалась
чугунная вязь решёток.
Под солнцем фрески светились
то золотым, то красным,

и чьи-то глаза смотрели
из-под белил и краски.
И в храме, где воцарились
разруха и запустенье,
звучать начинали тихо
старинные песнопенья.
Под куполом, где вороны,
зловещим знамением века
вдруг возникало, ширилось,
от стен отражаясь, эхо...
Каюсь: я не о Боге —
вполне земные созданья
остановили мгновенье
блаженства, любви, страданья.
Грешные люди, простые,
с натруженными руками,
свои моления о чуде
они воплотили в камне.
И он пережил обиды,
варварство разоренья,
чтоб нам возвратить Память
и даровать Прозренье.